

Тематические сборники «Переклички вестников»
Сборник № 83. «Вневременье распалось в дождь веков»

Выпуск № 136

Лариса Патракова

Дышало солнце над пространством вод,
Вливая жизни сумрачную память...
Кипела бездна белыми стихами,
Рождая ритм земли на даль вперёд.
Частицы ила – плоть седых вершин,
Что в этот час встают передо мною,
Омыты первой родовой водою,
Которая начало всех причин.
Так постепенно, не смыкая век,
Трудились солнце, воды, ритм и тайна...
И кончилось всё страшным испытаньем
И ужасом земли: се – человек...

Арсений Тарковский

Предупреждение

Ещё в скорлупе мы висим на хвощах
Мы – ранняя проба природы,
У нас ещё кровь не красна, и в хрящах
Шумят силурийские воды,

Ещё мы в пещере костра не зажгли
И мамонтов не рисовали,
Ни белого неба, ни чёрной земли
Богами ещё не назвали,

А мы уже в горле у мира стоим
И бомбою мстим водородной
Ещё не рождённым потомкам своим
За собственный грех первородный.

Ну что ж, златоверхие башни смахнём,
Развеем число Галилея
И Моцарта флейту продует огнём,
От первого тлена хмелея.

Нам снится немая, как камень, земля
И небо, нагое без птицы,
И море без рыбы и без корабля,
Сухие, пустые глазницы.

1960

Фёдор Тютчев

От жизни той, что бушевала здесь,
От крови той, что здесь рекой лилась,
Что уцелело, что дошло до нас?
Два-три кургана, видимых поднесь...

Да два-три дуба выросли на них,
Раскинувшись и широко и смело.
Красуются, шумят, – и нет им дела,
Чей прах, чью память роют корни их.

Природа знать не знает о былом,
Ей чужды наши призрачные годы,
И перед ней мы смутно сознаём
Себя самих – лишь грёзою природы.

Поочередно всех своих детей,
Свершающих свой подвиг бесполезный,
Она равно приветствует своей
Всепоглощающей и миротворной бездной.

1871

Выпуск № 1166

Зинаида Миркина

Как из тумана поднялись
Хребты, прорезывая высь

И обнажив обрывки скал,
Вот так когда-то восставал
Весь этот мир из Божьих рук,
Когда ещё ни слёз, ни мук,
Ни криков не было, ни ран, —
Лишь чуткий трепетный туман,
И шёпот Божий, а не глас,
Чтоб только не встревожить нас,
Чтоб как-нибудь не порвалась
Всего со всем живая связь.

1983

Максимилиан Волошин

из поэмы «Огонь»

В начале был единый Океан,
Дымившийся на раскалённом ложе.
И в этом жарком лоне завязался
Неразрешимый узел жизни: плоть,
Пронзённая дыханьем и биеньем.
Планета стыла.
Жизни разгорались.
Наш пращур, что из охлаждённых вод
Свой рыбий остов выволок на землю,
В себе унёс весь древний Океан
С дыханием приливов и отливов,
С первичной теплотой и солью вод —
Живую кровь, струящуюся в жилах.

Чудовищные твари размножались
На отмелях.
Взыскательный ваятель
Смывал с лица земли и вновь творил
Обличия и формы.
Человек
Невидим был среди земного стада.
Сползая с полюсов, сплошные льды
Стеснили жизнь, кишевшую в долинах.
Тогда огонь зажженного костра
Оповестил зверей о человеке.

Выпуск № 854

Осип Мандельштам

Я в львиный ров и в крепость погружен
И опускаюсь ниже, ниже, ниже
Под этих звуков ливень дрожжевой –
Сильнее льва, мощнее Пятикнижья.

Как близко, близко твой подходит зов –
До заповедей роды и первины –
Океанийских низка жемчугов
И таитянок кроткие корзины...

Карающего пеня материк,
Густого голоса низинами надвинься!
Богатых дочерей дикарско-сладкий лик
Не стоит твоего – праматери – мизинца.

Не ограничена ещё моя пора:
И я сопровождал восторг вселенский,
Как вполголосная органная игра
Сопровождает голос женский.

1937

Максимилиан Волошин

из поэмы «Космос»

Созвездьями мерцавшее чело,
Над хаосом поднявшись, отразилось
Обратной тенью в безднах нижних вод.
Разверзлись два смеженных ночью глаза –
И брызнул свет. Два огненных луча,
Скрестясь в воде, сложились в гексаграмму.
Немотные раздвинулись уста,
И поднялось из недр молчанья слово.
И сонмы духов вспыхнули окрест
От первого вселенского дыханья.
Десница подняла материки,
А левая распределила воды,
От чресл размножилась земная тварь,

От жил – растения, от кости – камень,
И двойники – небесный и земной –
Соприкоснулись влажными ступнями.
Господьдохнул на преисподний лик,
И нижний оборотень стал Адамом.
Адам был миром, мир же был Адам.
Он мыслил небом, думал облаками,
Он глиной плотствовал, растением рос.
Камнями костенел, зверел страстями,
Он видел солнцем, грезил сны луной,
Гудел планетами, дышал ветрами,
И было всё – вверху, как и внизу –
Исполнено высоких соответствий.

Вневременье распалось в дождь веков,
И просочились тысячи столетий.
Мир конусообразною горой
Покоился на лоне океана.
С высоких башен, сложенных людьми,
Из жирной глины тучных межиречий
Себя забывший Каин разбирал
Мерцающую клинопись созвездий.
Кишело небо звёздными зверьми
Над храмами с крылатыми быками.
Стремилось солнце огненной стезёй
По колеям ристалищ Зодиака.
Хрустальные вращались небеса,
И напрягались бронзовые дуги,
И двигались по сложным ободам
Одна в другую вставленные сферы.
И в дельтах рек – Халдейский звездочёт
И пастухи Иранских плоскогорий,
Прислушиваясь к музыке миров,
К гуденью сфер и к тонким звёздным звонам,
По вещим сочетаниям светил
Определяли судьбы царств и мира.
Всё в преходящем было только знак
Извечных тайн, начертанных на небе.

Заклинание

Земля бела. И купола
Белы под белыми снегами.
Что может приключиться с нами? —
Чисты и мысли и дела
В том мире, где досталось жить,
Который назван белым светом,
Где меж запорошённых веток
Струится солнечная нить;
Где с первых дней во все века
Дела свершаются бескровно
И годы протекают ровно,
И длань судьбы всегда легка,
Как хлопья, что с небес летят
На землю, где под кровлей снежной
Мать держит на ладонях нежных
На свет рождённое дитя,
На белый свет, не знавший вех,
Подобных бойне и распятью,
Резне и смуте. Где зачатъе
Единственный и светлый грех.

1975

Евгений Баратынский

Последняя смерть

Есть бытие; но именем каким
Его назвать? Ни сон оно, ни бденье;
Меж них оно, и в человеке им
С безумием граничит разуменье.
Он в полноте понятия своего,
А между тем, как волны, на него,
Одни других мятежней, своенравней,
Видения бегут со всех сторон,
Как будто бы своей отчизны давней
Стихийному смятенью отдан он;

Но иногда, мечтой воспламененный,
Он видит свет, другим не откровенный.

Созданье ли болезненной мечты,
Иль дерзкого ума соображение,
Во глубине полночной темноты
Представшее очам моим виденье?
Не ведаю; но предо мной тогда
Раскрылися грядущие года;
События вставали, развивались,
Волнуясь подобно облакам,
И полными эпохами являлись
От времени до времени очам,
И наконец я видел без покрова
Последнюю судьбу всего живого.

Сначала мир явил мне дивный сад;
Везде искусств, обилия приметы;
Близ веси весь и подле града град,
Везде дворцы, театры, водометы,
Везде народ, и хитрый свой закон
Стихии все признать заставил он.
Уж он морей мятежные пучины
На островах искусственных селил,
Уж рассекал небесные равнины
По прихоти им вымышленных крил;
Всё на земле движением дышало,
Всё на земле как будто ликовало.

Исчезнули бесплодные года,
Оратаи по воле призывали
Ветра, дожди, жары и холода,
И верною сторицей воздавали
Посевы им, и хищный зверь исчез
Во тьме лесов, и в высоте небес,
И в бездне вод, сраженный человеком,
И царствовал повсюду светлый мир.
Вот, мыслил я, прельщенный дивным веком,
Вот разума великолепный пир!
Врагам его и в стыд и в поученье,
Вот до чего достигло просвещение!

Прошли века. Яснеть очам моим
Видение другое начинало:
Что человек? что вновь открыто им?

Я гордо мнил, и что же мне предстало?
Наставшую эпоху я с трудом
Постигнуть мог смутившимся умом.
Глаза мои людей не узнавали;
Привыкшие к обилью дольных благ,
На всё они спокойные взирали,
Что суеты рождало в их отцах,
Что мысли их, что страсти их, бывало,
Влечением всеильным увлекало.

Желания земные позабыв,
Чуждаяся их грубого влечения,
Душевных снов, высоких снов призыв
Им заменил другие побужденья,
И в полное владение своё
Фантазия взяла их бытиё,
И умственной природе уступила
Телесная природа между них:
Их в эмпирей и в хаос уносила
Живая мысль на крылиях своих;
Но по земле с трудом они ступали,
И браки их бесплодны пребывали.

Прошли века, и тут моим очам
Открылася ужасная картина:
Ходила смерть по суше, по водам,
Свершалася живущего судьбина.
Где люди? где? Скрывались в гробах!
Как древние столпы на рубежах,
Последние семейства истлевали;
В развалинах стояли города,
По пажитям загложнувшим блуждали
Без пастырей безумные стада;
С людьми для них исчезло пропитанье;
Мне слышалось их гладное блеянье.

И тишина глубокая вослед
Торжественно повсюду воцарилась,
И в дикую порфиру древних лет
Державная природа облачилась.
Величествен и грустен был позор
Пустынных вод, лесов, долин и гор.
По-прежнему животворя природу,
На небосклон светило дня взошло,
Но на земле ничто его восходу

Произнести привет не могло.
Один туман над ней, синяя, вился
И жертвою очистительной дымился.

1827

Николай Гумилёв

Больная земля

Меня терзает злой недуг,
Я вся во власти яда жизни,
И стыдно мне моих подруг
В моей сверкающей отчизне.

При свете пламенных зарниц
Дрожат под плетью наслаждений
Толпы людей, зверей и птиц,
И насекомых, и растений.

Их отвратительным теплом
И я согрета невольно,
Несусь в пространстве голубом,
Твердя старинное «довольно».

Светила смотрят всё мрачней,
Но час тоски моей недолог,
И скоро в бездну мир червей
Помчит ослабленный осколок.

Комет бегущих душный чад
Убьёт остатки атмосферы,
И диким рёвом зарычат
Пустыни, горы и пещеры.

И ляжет жизнь в моей пыли,
Пьяна от сока смертных гроздий,
Сгниют и примут вид земли
Повсюду брошенные кости.

И снова будет торжество,
И снова буду я единой,

Необозримые равнины,
И на равнинах никого.

1908

Выпуск № 441

Лариса Миллер

Так память коротка.
Так сладостно забвенье.
Жизнь кратче дуновенья,
Мгновеннее глотка.
Что было здесь до нас,
Мы знаем только вкратце.
Нам заросли акаций
Ласкают нынче глаз.
А тех, чья кровь лилась,
Кого сажали на кол,
Предшественник оплакал.
И с ним слабеет связь...
Наверно, в том и суть,
Затем и сроки кратки,
Чтоб не было оглядки
На слишком долгий путь.
Ещё два-три витка –
И мы сойдём со сцены.
И пустят за бесценок
Наш опыт с молотка,
Чтоб жить своим умом
И, пережив кануны,
Опять глядеть на юных
В отчаянье немом.
А время бьёт отбой
И топит очевидца.
И вновь дитя рождается
Под сенью голубой.
И на земных кругах
Опять живётся сносно.
Речная гладь и сосны
Всего в пяти шагах.

1976

Осип Мандельштам

Век

Век мой, зверь мой, кто сумеет
Заглянуть в твои зрачки
И своею кровью склеит
Двух столетий позвонки?
Кровь-строительница хлещет
Горлом из земных вещей,
Захребетник лишь трепещет
На пороге новых дней.

Тварь, покуда жизнь хватает,
Донести хребет должна,
И невидимым играет
Позвоночником волна.
Словно нежный хрящ ребёнка
Век младенческой земли –
Снова в жертву, как ягнёнка,
Темя жизни принесли.

Чтобы вырвать век из плена,
Чтобы новый мир начать,
Узловатых дней колена
Нужно флейтою связать.
Это век волну колышет
Человеческой тоской,
И в траве гадюка дышит
Мерой века золотой.

И ещё набухнут почки,
Брызнет зелени побег,
Но разбит твой позвоночник,
Мой прекрасный жалкий век!
И с бессмысленной улыбкой
Вспять глядишь, жесток и слаб,
Словно зверь, когда-то гибкий,
На следы своих же лап.

Кровь-строительница хлещет
Горлом из земных вещей,
И горячей рыбой мечет

В берег тёплый хрящ морей.
И с высокой сетки птичьей,
От лазурных влажных глыб
Льётся, льётся безразличье
На смертельный твой ушиб.

1922

Выпуск № 313

Вячеслав Иванов

Астролог

"Гласи народу, астролог,
И кинь свой клич с высокой башни:
На сёла сирые, на чахнувшие пашни
Доколь небесный гнев налёт?"

"Чредой уставленной созвездья
На землю сводят меч и мир;
Их вечное ярмо склонит живущий мир
Под знак Безумья и Возмездья.

Дохнет Неистовство из бездны тёмных сил
Туманом ужаса, и помутится разум, —
И вы воспляшете, все обезумев разом,
На свежих рытвинах могил.

И страсть вас ослепит, и гнева от любви
Не различите вы в их яром искаженье;
Вы будете плясать — и, пав в изнеможенье,
Все захлебнуться вдруг возжаждете в крови.

Бьёт час великого Возмездья!
Весы нагнетены, и чаша зол полна...
Блажен безумьем жрец! И, чья душа пьяна, —
Пусть будет палачом!.. Так говорят созвездья".

1905

Максимилиан Волошин

Усталость

М. Стебельской

«Трости надломленной не преломит
И льна дымящегося не угасит».

Исаия 42, 3

И тогда, как в эти дни, война
Захлебнётся в пламени и в лаве,
Будет спор о власти и о праве,
Будут умирать за знамена...

Он придёт не в силе и не в славе,
Он пройдёт в полях, как тишина;
Ничего не тронет и не сломит,
Тлеющего не погасит льна
И дрожащей трости не преломит.
Не возвысит голоса в горах,
Ни вина, ни хлеба не коснётся —
Только всё усталое в сердцах
Вслед Ему с тоскою обернётся.
Будет так, как солнце в феврале
Изнутри неволит нежно семя
Дать росток в оттаявшей земле.

И для гнева вдруг иссякнет время,
Братской распри разомкнётся круг,
Алый Всадник потеряет стремя,
И оружие выпадет из рук.

1915

Выпуск № 1018

Фёдор Тютчев

Последний катаклизм

Когда пробьёт последний час природы,
Состав частей разрушится земных:
Всё зримое опять покроют воды,
И Божий лик изобразится в них!

1829

Максимилиан Волошин

Армагеддон

Л. С. Баксту

«Три духа, имеющие вид жаб...
соберут царей вселенной для великой битвы...
в место, называемое Армагеддон...»
Откровение, XVI, 12-16

Положив мне руки на заплечье
(Кто? – не знаю, но пронзил испуг
И упало сердце человечье...)
Взвёл на холм и указал вокруг.

Никогда такого запустенья
И таких невыявленных мук
Я не грезил даже в сновиденьи!
Предо мной, тускла и широка,
Цепенела в мёртвом исступленьи
Каменная зыбь материка.

И куда б ни кинул смутный взор я –
Расстилались саваны пустынь,
Русла рек иссякших, плоскогорья;
По краям, где индевела синь,
Громоздились снежные нагорья
И клубились свитками простынь
Облака. Сквозь огненные жерла
Тесных туч багровые мечи

Солнце заходящее простёрло...
Так прощально гасли их лучи,
Что тоскою мне сдавило горло
И просил я:

"Вещий, научи:
От каких планетных ураганов
Этих волн гранитная гряда
Взмыта вверх?"

И был ответ:
"Сюда
По иссохшим ложам океанов
Приведут в день Страшного Суда
Трое жаб царей и царства мира
Для последней брани всех времён.

Камни эти жаждут испокон
Хмельной желчи Божьего потира.
Имя этих мест – Армагеддон".

1915

Лариса Миллер

И нет завершенья. Ещё не конец.
И тайное что-то задумал Творец,
Ещё продолжается мысли паренье,
Ещё Он намерен продолжить творенье:
Нездешнее что-то в волненье слепить
И горькой любовью потом полюбить.

2003

Выпуск № 1349

Максимилиан Волошин

из поэмы «Космос»

Сгустилась ночь. Могильники земли
Извергли кости праотца Адама
И Каина. В разрыве облаков

Был виден холм и три креста – Голгофа –
Последняя надежда бытия.

Земля была недвижным тёмным шаром.
Вокруг неё вращались семь небес,
Над ними небо звёзд и Первосилы,
И всё включал пресветлый Эмпирей.
Из-под Голгофы внутрь земли воронкой
Вёл Дантов путь к сосредоточью зла.
Бог был окружностью, а центром – Дьявол,
Распяленный в глубинах вещества.

Неистовыми взлётами порталов
Прочь от земли стремился человек.
По ступеням империй и соборов,
Небесных сфер и адовых кругов
Шли кольчатые звенья иерархий
И громоздились Библии камней –
Отображенья десяти столетий:
Циклоны веры, шквалы ересей,
Смерчи народов – гунны и монголы,
Набаты, интердикты и костры,
Сто сорок пап и шестьдесят династий,
Сто императоров, семьсот царей.
И сквозь мираж расплавленных оконниц
На золотой геральдике щитов –
Труба Суда и чёрный луч Голгофы.
Вселенский дух был распят на кресте
Исхлестанной и изъязвлённой плоти.

[Даниил Андреев](#)

Иерархия

Ждало бесплодно человечество,
Что с древних кафедр и амвонов
Из уст помазанного жречества
Прольётся творческий глагол.
Все церкви мира – лишь хранители
Заветов старых и канонов;
От их померкнувших обителей
Творящий Логос отошёл.

Он зазвучит из недр столетия,
Из катакомб, с пожарищ дымных,
Из страшных тюрем лихолетия,
По сотрясённым городам;
Он зазвучит, как власть имеющий,
В философемах, красках, гимнах,
Как вешний ветер, вестью веющий
По растопляющимся льдам.

И будут ли гонцы помазаны
Епископом в старинном храме
Перед свечами и алмазами
На подвиг, творчество и труд?
Иль свыше волю непреклонную,
Они в себе услышат сами,
И сами участь обречённую,
Как долг и право, изберут?

Но, души страстные и жаркие,
Они пройдут из рода в роды
Творцами новой иерархии,
Чей золотой конец вдали
Святой гигант, нерукотворною
Блистая митрой, держит строго
В другом зоне – по ту сторону
Преображенья всей земли.

1950

Выпуск № 1268

Вячеслав Иванов

Нежная тайна

Слово скажу без прикрас прекрасное, если правдиво
Слово моё; коли нет – други, напрасно я жил!
Долгий прошёл, заблуждался, путь, коли лживо то слово, –
Смерть обольстила меня, и обманула Любовь.
В сердце, разлуки кольцом, вписала Любовь благовестье;
Смерть, возврата кольцом, запечатлела обет.
Лгут уста и мечты; не обманчиво вещее сердце:
Если я в жизни любил, знайте, что Тайна – нежна.

Тайна нежна, – вот слово моё, – а жизнь колыбельна;
Смерть – повитуха; в земле – новая нам колыбель.
Тайна нежна: мир от вечности – брак, и творенье – невеста;
Свадебный света чертог – Божья всезвездная Ночь.
Тайна нежна! Всё целует Любовь, и лелеет Пощада.
Всё, что ни вижу, венцом светлым объемлет Жених.
Многих себя не обретших блаженств бродильная чаша,
Каждую каплю хранит сладостной жизни кратэр.
Всё, что знает блаженство своё, прозябнет, как семя,
Цветом блаженства – и цвет Розе единой отдаст...
Тайна, о братья, нежна: знаменуйте же Тайное Розой,
Тихой улыбкой могил, милой печатью любви.

1912

Николай Рерих

Время

В толпе нам идти тяжело.
Столько сил и желаний враждебных.
Спустились тёмные твари
на плечи и лица прохожих.
В сторону выйдем, там
на пригорке, где столб стоит
древний, мы сядем.
Пойдут себе мимо.
Все порожденья осядут внизу,
а мы подождём.
И если бы весть
о знаках священных возникла,
устремимся и мы.
Если их понесут,
мы встанем и воздадим почитание.
Зорко мы будем смотреть.
Остро слушать мы будем.
Будем мы мочь и желать
и выйдем тогда, когда –
время.

Даниил Андреев

из цикла «Устье жизни»

Я мог бы рассказывать без конца
Об этих прощальных днях,
О буднях и праздниках, об игре
На берегу Дивичор;

О солнце, шныряющем сквозь листву
К ребячьим простым чертам,
О шустрых хохочущих голосах,
О мягкости мудрых зим,
Когда вливается знание в круг
Их отроческого ума.

Но страшно мне – весомостью слов
Загаданное спугнуть,
Прогнать воздушные существа,
Плетущие эту ткань,
Тончайший фарфор предсказанных дней
Разбить неловкой рукой.

1950

Выпуск № 1328

Александр Блок

Нам довелось ещё подняться,
Не раз упав, не раз устав,
Опять дышать и разгораться
Свершённостью забытых трав.

Взойдя на пыл грядущей пашни,
Подкравшись к тающей дали,
Почуял дух простор вчерашний,
Давно утраченный в пыли.

Ещё не время ставить терем,
Ещё красавица не здесь,
Но мы устроим и измерим
Весной пылающую весь.

В зелёном сумраке готова,
Как зданья нового скелет,
Неколебимая основа
Вчерашних незабытых лет.

На переходах лёгких лестниц
Горят огни, текут труды.
Здесь только ждут последних вестниц
О восхождении звезды.

1903

Даниил Андреев

Сквозь тюремные стены (из цикла «Предварения»)

Завершается труд,
 раскрывается вся панорама:
Из невиданных руд
 для постройки извлёк я металл,
Плиты слова, как бут,
 обгранил для желанного храма,
Из отёсанных груд
 многотонный устой создавал.

Будет ярус другой:
 в нём пространство предстанет огромней;
Будет сфера – с игрой
 золотых полукруглых полос...
Камня хватит: вдали,
 за излучиной каменоломни,
Блеском утра залит
 непечатый гранитный колосс.

Если жизнь и покой
 суждены мне в клокочущем мире,
Я надёжной киркой
 глыбы камня от глыб оторву,
И, невзгодам вразрез,

будет радость всё шире и шире
Видеть купол и крест,
довершаемые наяву.

Мне, слепцу и рабу,
наважденья ночей расторгая,
Указуя тропу
к обретенью заоблачных прав,
Всё поняв и простив,
отдала этот труд Всеблагая,
Ослепительный миф –
свет грядущего – предуказав.

Нет, не зодчим, дворцы
создающим под солнцем и ветром,
Купола и венцы
возводя в голубой окоём –
В недрах русской тюрьмы
я тружусь над таинственным метром
До рассветной каймы
в тусклооком окошке моём.

Дни скорбей и труда –
эти грузные, косные годы
Рухнут вниз, как обвал, –
уже вольные дали видны, –
Никогда, никогда
не впивал я столь дивной свободы,
Никогда не вдыхал
всею грудью такой глубины!

В круг последних мытарств
я с народом безбрежным вступаю –
Миллионная нить
в глубине мирового узла...
Сквозь крушение царств
проведи до заветного края,
Ты, что можешь хранить
и листок придорожный от зла!

1950-1956